

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Ольги Громыко
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

**ВЕРНЫЕ ВРАГИ
ЦВЕТОВ КАМАЛЕЙНИКА
ГОД КРЫСЫ. ВИДУНЬЯ
ГОД КРЫСЫ. ПУТНИЦА**

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Ольга ГРОМЫКО

ВЕРНЫЕ ВРАГИ

Роман

Москва, 2011
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г87

Серия основана в 2004 году
Выпуск 51

Художник
В. Успенская

Громыко О.

Г87 Верные враги: Фантастический роман.—М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011.— 476 с.: ил.— (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-0668-5

Это – сказка, рассказанная зимней ночью. Веселое и грустное повествование о вражде и дружбе, магии и смекалке, благородстве и предательстве, любви и ненависти, между которыми один шаг по глубокому снегу. Это – кусочек белорусской истории, не попавший в летописи, но воспетый в легендах. А что в ней ложь и что правда – пусть останется на совести автора...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-0668-5

© Ольга Громыко, 2005
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2010

Автор сердечно благодарит педантичную Анну Полянскую, придирчивую Юлию Морозову, несравненную Ярославу Кузнецову, добросовестную Марину Гилёву и многострадальную Яну Бойченко, без чьего критиканского участия эта книга была бы иной или не была вообще.

Все претензии тоже к ним.

Безжалостны истории страницы,
Писать на них — удел не слабаков.
За каждой строчкой — чьи-то судьбы, лица,
Рев пламени, лязг стали, стук подков.

Но время — добрый друг и враг заклятый —
Неумолимо увлечет их в тень,
И станет для потомков просто «датой»
Кому-то жизнь перевернувший день.

...И знали бы невольные герои,
Борясь, спасая, веря и любя,
Что, заполняя летописи кровью,
Ни капли не оставят для себя...

*Белорские хроники конца IX в., т. 7,
раздел «Легенды и предания»
Автор неизвестен¹*

ГЛАВА 1

— А колдуна-то нашего прибили вчера,— невесть с чего сказал корчмарь, поочередно вытирая небрежно сполоснутые в бадейке кружки. День выдался серый, тоскливый— поздняя осень, все никак не уступающая зиме; не хотелось горожанам ни пивка, ни жареной картошечки — надо сказать, скверно жаренной, на прогорклom жиру,— да и вообще не хотелось выходить в этот то ли дождь, то ли туман, висящий над городом с прошлой недели. С полдюжины человек только за столиками и сидело.

---

¹ Здесь и далее — я за него! — *О. Громыко*

— Хм? — Я вежливо приподняла левую бровь. Болтать с корчмарем меня не тянуло, слушать тоже, но в «Волчьей пасти» я считалась завсегдатаем, соответственно пользовалась скидками, а за это терпеливо изображала приличную клиентку. Хорошее название, из-за него в первый раз и зашла. Корчма как корчма, не хуже и не лучше других. Над камином распялена волчья шкура с головой и вычервленной пастью, у всех девок на передниках рунический знак оборотня, сзади тряпкой болтается пришитый хвост. И чесночок со стрелолистом по стенам развешан на всякий случай — мало ли, вдруг нежить примет все за чистую монету и кинется в корчму. Забавно.

— Наши и прибили, — охотно подхватил корчмарь, — народу-то вчера поболее сидело, к вечеру распогодилось чуток, вроде как и солнышко выглянуло, ну, людишки к ужину и подтянулись. И Старый Хряк был, и Щот-рыжий, и милсдарь Жолард изволил чарку винесского спросить. Девки, само собой, крутились. Ну и колдун. Чего, спрашивается, приперся? Сел у окна и взглядом дурным ведет, ровно не лошадь его везла, а сам добрый час под седлом скакал. Сидит и сидит, ничего не просит. Девки боятся подходить, друг на дружку кивают. Делать нечего, пошел сам. «Чего подать-то? — спрашиваю. — У нас тута забесплатно греться не принято». Гляжу — и впрямь какой-то пришибленный, ровно не понимает. В упор тарашится. Потом сморгнул и говорит: «Мяса шмат принеси, да прожарь хорошенько».

Видно, успел где-то наколдоваться, рассеянно подумала я. Магия отнимала много сил, а лучше всего их восстанавливала животная пища и подогретое красное вино. Вина он не спросил, значит, хотел сохранить ясную голову.

— Ну, усрал я мальчишку в подвал окорок пластать — жаркое-то кончилось, все раскупили, а сам пиво разливаю. Шесть кружек наполнил, на поднос смахнул и Кветке велел нести. Глупая девка, но пригожая, — пояснил корчмарь, — и спереди и сзади подержаться есть за что. Как пошла по залу, все уставились: кто на зад, кто на перед, кто на пиво. Колдун тоже глянул, а дурында эта поскользнулась на ровном месте да так на пол и загремела, двух шагов не донесла. Пиво на клиентов вывернула, косорукая. Аккурат Корькехромому на штаны новые, он их как раз обмывал. Вот те

и обмыл, хе-хе... Корьку-то помните? Мужик такой здоровенный, на складах бочки катает? Ну, который в том году по пьяни в колодец упал? Морозы тогда страшные стояли, вода до доньшка в камень замерзла. Другой бы вусмерть, а этот только ногу сломал. Еще песни срамные оттуда орал до утра, во хмелю и не болело-то.

— И?

А вот что в «Волчьей пасти» было действительно выше всяческих похвал, так это жареные семечки: пузатые, в меру присоленные, высыпанные в широкую плоскую миску на стойке — бери, кто хочешь, сколько в горсть влезет. Или, воспользовавшись напавшей на корчмаря говорливостью, прямо оттуда лузгай, нахально выбирая самые крупные.

— Ну, стрельнуло ему в башку, будто это колдун ей ноги подшиб, сглазил. Нарочно. Встал, стул за ножку да как жажнет колдуну по темечку! Тот, знамо дело, руку вскинул — не долетел стул, в воздухе рассыпался, а Корьку аж до стены по полу прокатило и задницей в камин впечатало. А колдун еще больше сбледнул, покачнулся, сесть, видать, хотел — давай стул руками искать, будто незрячий. Только Корька не один был, с дружками, они за колдуна и взялись. Двое за руки держали, а остальные били по очереди. Долго били, он уж и не дергался, а они все норовили покрепче приложить. Один даже не поленился, за оглоблей сбегал. Попереломали руки-ноги, раздели, шмотье и цапки поделили. Мне вон тоже дали, — корчмарь порылся в кармане передника, показал какую-то висюльку — то ли пластинка кремня, то ли черная блестящая кость.

Драконья чешуйка, поняла я, взяв амулет в руку.

— Не уступите?

— Да бери так, на кой она мне? — Как будто даже с облегчением разрешил мужик. Кому охота с Ковеном Магов связываться, если до него дело дойдет. Потом доказывай, что просто смотрел... да и за «просто» по головке не поглядят. — А самого к оврагу сволокли, раскачали и вниз скинули. Там грязи теперь по колено, в овраге-то. Потоп, поди. Захлебнулся.

— Не все равно, труп?

— Когда за порог вытаскивали, дышал еще. Кровь в горле клокотала.

«Баба с возу — волкам легче», — подумала я, пряча амулет. Колдунов, всесильных выскочек, никто не любил. Боялись, уважали, но если уж били, то всем скопом, чтобы наверняка.

Я пару раз видела его в корчме, а потом встречала и на улицах города. Высокий, черноволосый, молодой еще мужчина. Довольно смуглый, но светлоглазый, с располагающим, слегка ироничным лицом. Как-то раз он пришел с учеником и снисходительно наблюдал, как тот впервые пробует крепкое здешнее пиво. Мне почему-то запомнились длинные чуткие пальцы с единственным, простеньким с виду кольцом, прямо из воздуха доставшие золотую монету для расплаты с корчмарем. Тот даже не поверил, надкусил — не морок ли.

Я отряхнула шелуху, расплатилась и решительно встала. И так уже засиделась, серь за окном начала сгущаться в ранние осенние потемки.

Что ж, прибили — туда ему и дорога.

Жила я за городскими стенами — трехсаженной каменной кладкой со сторожевыми башенками и высокими воротами, запирающимися на ночь. Хозяин частенько предлагал мне подыскать комнатуху в городе, но я отказывалась. Зачем? Тогда пришлось бы избавиться от коня и козы да еще платить за съем. Именно избавиться — один прихрамывал, вторая доилась вполовину меньше положенного и упорно не желала обзаводиться потомством. Кто ж их купит? Только живодер.

Да, в лесу волки, медведи, упыри. А в городе люди, и огнем их не отпугнешь. Те же колдуны. Я как раз проезжала мимо оврага и не удержалась: спешила, приторочила к седлу вещи и шлепнула мерина по вислому крупу. Дымок, привычный, махнул хвостом и неспешно потрусил домой.

А я решила убедиться. Кто их, колдунов, знает. Может, сам слух о кончине и пустил, а ты потом жди удара в спину.

Опуститься на колени.

Сосредоточиться.

Готово.

Подобравшись к самому краю, я заглянула в черный разлом оврага. Склон круто нырял вниз, спускаться по нему было небезопасно, а вот чуть левее топорщились кусты, за которые можно придержаться.

Корчмарь приврал, грязи на дне было не так уж много. Не человеку — собаке по колено.

Долго искать не пришлось. Он лежал прямо под обрывом на спине, нелепо раскинув изломанные конечности. Светлое пятно на черной земле, алая каемка.

Я злорадно оскалилась: он был жив. Пока. Садиться рядом в грязь, пачкать шубу ради пяти минут торжества... мелочного, глупого, но заманчивого? Я села. Ему на живот.

Человек охнул и раскрыл стекленеющие глаза. Медленно перевел на меня, мучительно попытался свести в одной точке. Узнал.

— Говорят, ты искал меня, колдун?

Он беззвучно шевельнул разбитыми губами. Из рта плеснула кровь, маслянисто обволокла подбородок. Запах мне понравился. Наклонившись, я провела языком вдоль его щеки, к глазу, собирая темные сгустки.

Колдун судорожно дернулся. Зря. Я никогда не начинала есть с головы. Так, примерялась.

— Ну и живучий же ты, — сглотнув, со смесью восхищения и издевки протянула я. — Почти как я, хоть однажды и провалялась в постели несколько дней, заживляя рану от твоей стрелы. У гномов небось покупал? Эти умеют делать наконечники, без мясницкого ножа не вытащишь. Хорошо, шрамов на мне не остается, они, говорят, злопамятности способствуют. Надо сказать, странный у тебя способ завязывать знакомство с женщинами...

Он смотрел на меня не мигая. Ненависть во взгляде угасала вместе с жизнью. Небось боролся до последнего, пытался стянуть раны остатками колдовства. На что, интересно, потраченного? И долго-то как держался, видать, ждал, надеялся, что за ним кто-то придет. А теперь — все. Пришли. Глаза потухли, кровавой ореол вокруг тела начал быстро разрастаться.

Тогда я схватила его зубами за плечо, привычно перекинула за спину и неторопливо потрусилась по дну оврага, оставляя в грязи четкие отпечатки когтистых лап.

Избушка была маленькая, неказистая, перекошенная. Кажалось, от падения ее уберегает только прислоненная к стене рогатина. Над разбитым крылечком изогнулась в поклоне старая узловатая яблоня, в будке с проломанной крышей иногда неслась единственная курица. Днем хохлатка бродила по полянке, благоразумно не выходя за редкий плетень. Лесное зверье глотало слюнки, но переступить мои метки не смело.

В нараспашку открытом сарае фыркнул, топнул конь, заблеяла коза. Паршивка, зря только я ее два раза к козлу тягала — так и не отяжелела, зато все еще доилась. Меньше, чем летом, но на сметанку с творогом собрать удавалось. Все они здесь приبلудные — и безрогая длинноглазая Майка, отданная в счет долга, на борщ, и дымчатый, немолодой уже меринок, кем-то выгнанный в лес за хромоту. Даже кошка, которая считается дикой, но никогда не опаздывает к дойке. И я сама, впрочем. На избушку я набрела случайно, долго присматривалась, кружила по округе, но за неделю хозяин так и не сказался. Не объявился и за три года моего самоуправства.

Назвать избу совсем уж нежилой было неверно — в печной трубе гнездилась сова, под крыльцом процветал топотливый ежиный выводок, чердак загадили летучие, а подпол — полевые мыши. Всех их я безжалостно вымела-выкурила, вставила окна, законопатила щели мхом, из утвари что подновила, что выбросила. Главное, печь была цела. Сначала я спала на ней, потом, купив перину с подушкой, перебралась на постель в единственной маленькой комнате. Изба, в шутку прозванная логовом, помаленьку обрела жилой вид. Не стыдно и гостей привести. Принести.

В отопленной с утра печи стояли два горшка с водой, сейчас они оченьгодились. Я свалила колдуна на ошпаренный кипятком стол, выставила на лавку темные склянки без подписей, разодрала на полоски новую льняную простыню и принялась за работу. По правде говоря, его легче было разделать, чем собрать (а опыт у меня был, и немалый, в обеих областях). После пятичасовой возни свободными от повязок остались только живот, голова, левое плечо и правая голень, пестревшие синяками. Оглобля поработала на славу, больше всего я намучилась с раздробленными

костями, укладывая их в лубки. Колдун превратился в не-
ряшливо, но крепко спеленатую куклу, такой же холодный
и безжизненный.

Я перетащила его на широкую лавку у печи, в закуток,
отгороженный занавеской. Вскипятила воды, настояла тра-
вок и принялась отпаивать тепленьким, по каплям вливая
в приоткрытый рот. Больше всего мне не нравилось полное
отсутствие сопротивления — как текущей в горло жидкости,
так и смерти. Долго так продолжаться не могло, либо он
согреется и нормально задышит, либо сдохнет. Я не реши-
лась уснуть, осталась ждать перелома, взбадривая себя тем
же снадобьем. Лично мне помогало.

Под утро колдун начал отходить, пришлось неотлучно
сидеть рядом, ругать, тормошить, дышать в насильно раз-
жатый рот, вместе с воздухом делясь жизненной силой. Мы
это можем, хоть и не слишком эффективно — большой рас-
ход при передаче. К обеду я вымоталась, как собака, а он
все никак не мог определиться с тем или этим светом. Во
время очередного затишья я плюнула на все и уснула, а
может, потеряла сознание. Очнулась только глубокой ночью.
Колдун тихо сопел, пригревшись между мной и печью. Я
встала, тщательно подоткнула одеяло, не оставляя лазеек с
трудом накопленному теплу. Долго стояла и смотрела, раз-
мышляя, но ничего путного так и не надумала. Только про-
голодалась.

Пора было идти на охоту.

По волменским меркам Выселок считался городком за-
холустным, хотя давал приют примерно тысяче жителей.
Пограничье с Ясневым Градом не делало его привлекате-
льнее, так что жили здесь в основном купцы, ремесленники
и селяне, разбивавшие свои огородики прямо у городских
стен. Знать и маги предпочитали более хлебную столицу,
Вагеру.

Стоял в Выселке и небольшой воинский гарнизон, он
же городская стража, ибо работать по основной специаль-
ности легионерам не доводилось уже лет двести, с момента
подписания мирного договора с эльфами. Белория, распо-
ложенная за Ясневым Градом, вообще именовалась «брат-
ской державой» — то есть если и пакостила, то исподтишка

и не признаваясь. К тому же проще пройти босиком по рву со змеями, чем пересечь эльфийско-дриадский лес без позволения его хозяев.

Возможно, некогда сюда и в самом деле выселяли негодных королю людей, но сейчас это был самый обыкновенный, тихий и невзрачный городишко, где все друг с другом здороваются, но зачастую знают только в лицо. Что меня вполне устраивало.

На работу я добралась ближе к полудню, сонная, злая и поминутно зевающая. Хозяин, хоть и выспавшийся, пребывал не в лучшем настроении — влетело и за опоздание, и за вчерашний прогул. Я вспылила, демонстративно брякнула о пол глиняную ступку, в которой уже начала растирать брусничные листья, и потребовала расчет. Хозяин тут же пошел на попятный, окрестил прогул «выходным» и велел в следующий раз предупреждать заранее. Я нагло предупредила, развернулась и ушла. Ничего, переживет. Обзовет про себя стервой и упырицей, но вслух повторить не посмеет. Иначе вообще в отпуск уйду, первый за три года.

...Уже за дверью услышала, как хозяин, ворча себе под нос, достает из шкафа новую ступку. По моим прикидкам, их там еще на полгода столь же плодотворного сотрудничества хватит, потом снова придется оптом у гончара закупать...

Я вернулась вовремя — колдун открыл глаза. Больные, тусклые, но разумные. Пока он вяло осматривался, я нацедила в кружку супа, придерживая ложкой гущу. Села на край постели. Он не удивился и не испугался. Видно, считал, что хуже быть уже не может. Наивный. Разубеждать его я пока не стала. Поддержала кружку в ладонях, прикидывая, не слишком ли горячо. И услышала, как снаружи тихонько хрупнула ветка.

Я беззвучно поставила кружку на пол. Подкралась к окну, выглянула. Во дворе стоял, боязливо озираясь, парнишка лет тринадцати.

— Ученик твой явился, — с гадкой ухмылкой сообщила я. — Пожалуй, мне тоже стоит заняться его образованием. Ты не против?

Он был против, да еще как. Но взглядом я испепелялась плохо, а чего-нибудь подейственнее у него не было.

Незванный гость выглядел неважно. Дранный полушубок, перевязанные веревочками опорки, синяк под глазом. Мы внимательно изучили друг друга, не торопясь с приветствиями и пожеланиями доброго вечера.

— Ты оборотень, — наконец то ли спросил, то ли обличил меня паренек.

— Ну и что?

Такого ответа он явно не ожидал.

— Ну и все, — проямлил он, — конец тебе пришел...

Ох, давно я так не смеялась! Причем искренне.

— Маловат ты для моего конца, щенок. Даже на начало не тянешь. Как догадался-то? — мирно спросила я, и он растерялся еще больше. Запинаясь, послушно ответил:

— Мой мастер давно тебя выслеживает, все узнал: и где живешь, и что Шеленой зовут, только прикончить осталось.

Зря он это. Никогда не разговаривай с тем, кого собираешься убить. Особенно если боишься его до колик в желудке. Враг становится еще сильнее, а ты слабеешь. Вон ноги уже дрожат, подгибаются.

— Выходит, вовремя мужички его порешили, — равнодушно заметила я, — тебе-то чего надо?

Он зажмурился и на одном дыхании выпалил:

— Мстить пришел.

— О! Это серьезно, уважаю, — восхитилась я. — А почему именно мне? Мужичков с оглоблями боимся? Могут не понять юмора?

— До них тоже доберусь, — срывающимся голосом пообещал он. — Вот тебя уделаю, сокровища награбленные заберу, подучусь малость, а там и их черед придет!

Я разочарованно присвистнула:

— Экий ты у нас корыстный, я-то думала — и правда мститель. На человека побоялся руку поднять, а на меня, выходит, можно. Особенно ради денежек.

— Ради мастера! — отчаянно выкрикнул он. — Ты его сожрала, погань! Я следы в овраге видел! Он живой еще был, оборотни мертвечины не жрут!

— А если и сожрала, — задумчиво прикинула я, — какая разница? Он бы все равно к утру окошел, ты же к нему на помощь не торопился. Так что скажи спасибо и проваливай!

Он всхлипнул и вытащил меч. У меня отвисла челюсть. Не знаю, как убивать, но отпиливать им трофейную голову пришлось бы долго. Такого неуважения к противнику я еще не видывала. Идти в дом за своим клинком было лень, да и смешно. Я осталась стоять, руки в боки, мерзко подхихкивая.

Заорав для храбрости, паренек бросился вперед. Он еще и рубиться не умел, простой меч двумя руками за рукоять держал. Пару ударов я пропустила, уворачиваясь с восхищенным аханьем, а затем по-простому изловила меч за середину и пнула дурня в живот. Второй удар пришелся в опущенное лицо, на сапоге осталась кровь.

— Проваливай, щенок,— негромко сказала я, выждав, пока он отскулит и высморкается. Бросила меч ему под ноги.— Придешь, когда подучишься. Хотя бы правильно оценивать врага.

Не сводя с меня ненавидящего взгляда, он медленно наклонился, подобрал меч и побрел прочь. В ножны не вложил, острый кончик царапал землю. Худенькие плечи вздрагивали, пацан явно сдерживал рыдания. Дурак.

Я выждала, пока он скроется из виду, покачала головой и вернулась в дом. Вытерла сапог подвернувшейся тряпкой, бросила в угол, к прочему мусору. Вечером смету и вынесу.

— Что ты с ним сделала? — впервые подал голос колдун. Вернее, хрип, еле слышный и неразборчивый.

— Преподала урок,— устало сказала я, присаживаясь на стул и поднимая с пола кружку.— Пей давай.

Он сжал зубы и попытался отвернуть голову, но даже это ему не удалось, сдержала вмятина в подушке. У меня вырвался истерический смешок. Запоздало догадалась: не верит. Думает, прибила его горе-ученичка, отволокла в кладовую и теперь буду варить из него супчики.

— Когда он придет в следующий раз — а он придет, хвост даю на отсечение,— вкрадчиво сказала я,— у меня может и не быть такого хорошего настроения. Так что тебе лучше меня не сердить.

Он с трудом шевельнул губами:

— Что тебе от меня надо?

— Выпей — скажу.

Колдун не ответил, но и не противился, когда я подняла ему голову и начала потихоньку вливать сытный отвар.

— Вот и молодец, вот и умница,— с легкой издевкой приговаривала я, пока чашка не опустела,— а теперь спи давай.

Он попытался что-то сказать, светлые глаза возмущенно расширились, потом угасли и медленно закрылись. Да, обманула, подмешала сонного зелья. Будет еще время поговорить. И самой понять, на кой он мне сдался — смертельный враг, охотник за нежитью, до сих пор не утруждавший себя беседами с оборотнями.

По городу поползли странные слухи. Якобы в небе над вересковыми пустошами видели дракона. Здоровенного, черного с прожелтью. Шумно хлопая крыльями, он проскользнул среди облаков, потом вынырнул из них, покружил, словно разыскивая кого-то, разочарованно взревел, плюнул огнем и улетел обратно.

Кое-кто шепотом добавлял: зря, мол, колдуна прибили, он бы живо ящера за хвост ухватил да из шкуры вытряхнул. Вот пуцай те, кому он помешал, его и заменяют — логово ищут, башку гаду откручивают, а уж на бесхозные сокровища всегда охотники с подводами найдутся. Увы, здоровый дракон воодушевлял мастеров оглобли куда меньше большого колдуна, они отсиживались по домам, надеясь, что купцы-очевидцы приняли за дракона ворону. Огнедышащую, о чем красноречиво свидетельствовал выжженный круг в центре пустоши.

Я дракона не видела, над логовом он не летал, а колдун был совсем плох. В себя он приходил далеко не каждый день, и даже в эти редкие часы от него было мало толку: разговаривать со мной он не желал или просто не мог, устало закрывая глаза, когда я подсаживалась к его постели с ушатом теплой воды и горстью ветоши. Порой стонал, если думал, что я не слышу. Нужные травы у меня были, но пользоваться ими приходилось с крайней осторожностью, он и так был слишком слабый, апатичный. Боль, по крайней мере, не давала ему впасть в предсмертное забытие.

Днем меня не было дома, большую часть ночи — тоже, и, возвращаясь, я с порога прислушивалась: дышит ли. Ды-

шал. Иногда слабо и редко, иногда метался в жару, жадно хватая ртом воздух.

Как я и предполагала, через недельку ученик набрался духу и заявился снова. Еще более оборванный и жалкий, с арбалетом и одной-единственной стрелой. Естественно, промазал, а я не отказала себе в удовольствии оставить на его заду четкий отпечаток подошвы. И арбалет отобрала. Хороший, отлаженный. Вот бы топор в следующий раз принес, размечталась я, мой-то вконец иззубрился.

А арбалет повесила на стену и стрел для него прикупила. Мало ли что.

Мало ли кто.

Дни проходили за днями, выпал первый снег, второй, третий... пятый остался лежать, укутав землю пушистым одеялом толщиной в локоть. Замерзли реки, по ночам в лесу трещали обледеневшие деревья, печку приходилось топить по два раза на дню, утром и вечером. Мои вылазки стали короче и все реже приносили успех. Зверски коченели лапы, если за пару часов не удавалось никого поймать, я сдавалась и бежала домой, стуча зубами. Перекидывалась у сарая, за поленницей, потом босиком по снегу. Лапами засов не отодвинешь, да и мало ли кто завернет в гости: голая девка, выскочившая из баньки — это одно, а корежащий на крыльце оборотень — совсем другое.

Может, другим девкам и доставляет удовольствие прямиком из парной гольшом ухнуть в прорубь, еще и поплежаться с радостным визгом, но меня подобные развлечения никогда не приводили в восторг. Хоть бы поскорей добежать, окунуться в избяное тепло, одеться и нырнуть под одеяло, досыпать, если до рассвета еще далеко и суетиться по хозяйству рано...

Сегодня мне повезло — в пасти, а теперь в руках тряпично моталась заячья тушка. В логове чуть слышно вздохнул, нетерпеливо шевельнулся спеленатый колдун. Он узнавал о моем возвращении задолго до скрипа щекотки, каким-то непостижимым чутьем. Услышать не мог, это точно. Не много радости в приходе врага, но после трех недель неподвижности, в тишине и полумраке тесного закутка, начинаешь ценить и такую малость. Заживающие раны зудели,

он хотел есть и пить, а еще — чтобы его вымыли, перетряхнули слезавшуюся постель, подставили посудину. Хотел — но никогда не просил. А потом молча смотрел, как я суечусь на кухне, нарочно раздвинув занавески. Истосковался по свету, живым звукам, хоть какой-то зацепке для взгляда.

Порой я приходила в крови, споласкивалась над бадьей, с наслаждением глотая стекающую по лицу воду. Он всякий раз напряженно подавался вперед, потом успокаивался. Интересно, как отличал? По запаху, что ли? На людей я не охотилась. Сейчас, по крайней мере.

Он знал, что я его жалею. Не понимал, явно ожидая какого-то подвоха, но и не изображал воплощение ненависти, бесстрастно пропуская мимо ушей все насмешки. Я в общем-то и не собиралась его унижать, просто не могла удержаться от колкостей. Но все реже и реже. Колдун вызывал невольное уважение — искалеченный, совершенно беспомощный, но несломленный. Притворяться он тоже не считал нужным. Я частенько задумывалась: а что он будет делать, когда поправится? Вызовет меня на честный бой или молча уйдет, отложив поединок до первого найденного в лесу трупа? В любом случае в спину не ударит.

Но его проклятый ученик меня достал! Самой удачной его находкой был толченый перец. Мешок извел, не меньше, сыпучей стружкой очертив кольцо вокруг логова. Я, конечно, ничего не имела против перца в супе, горошком, но толченая дрянь напрочь отбила у меня нюх на несколько дней, пока ветер не разогнал ее по лесу. До этого назойливый щенок пытался читать под окнами заклинания, нараспев, жалостливо так, я аж заслушалась, но эффекта так и не дождалась. Капкан медвежий под самое крыльцо приволок, неумело замаскировав снегом. Мне он не мешал, но пришлось разрядить из-за бродившей по двору живности. И кто ему сказал, что оборотни боятся дохлых ворон?! Штук пять по плетню развесил, смердели жутко. Еще ужаснее ругалась я, на рогатине относя их в лес и предавая земле. В смысле снегу.

Сегодня вон порог водой облил. То ли просто из вредности, то ли и впрямь освятил в храме ведерко-другое.

Позавтракав, я оседлала коня и поехала в город, на работу. Смирный, залохматившийся к зиме Дымок в охотку трусил

по лесным тропинкам, по-драконьи выпуская из ноздрей белые струйки пара. В городе меня хорошо знали. Встречные селяне раскланивались, снимали шапки, стражники у ворот перебрасывались скабресными шуточками. Очень их интересовало, когда же я найду себе если не мужа, то хотя бы мужика. Дескать, негоже бабе одной в лесу прозябать. Я отшучивалась, но составить мне компанию не предлагала. Да они особо и не настаивали, таких девушек в городе — пруд пруди. Впрочем, я годилась не только на то, чтобы в оном пруду квакать, — среднего роста, стройная, синеглазая... не Кветка, конечно, но какие-никакие перед и зад тоже имеются. Русые волосы днем заплетены в косу, челка подстрижена до бровей, чтобы не лезла в глаза ночью. На таких обаятельных серых мышках охотно женятся и так же, не задумываясь, изменяют им при первом удобном случае.

Вот только мало кто знает, что серыми бывают не только мышки.

Работала я, смешно сказать, помощником знахаря. Летом собирала и сушила травы, зимой готовила снадобья. Смешно — потому что толстяк-знахарь раздувался от гордости за рецепты своих «эликсиров», частью полученные в наследство, частью купленные за большие деньги у королевских лекарей. А что больные от тех снадобий порой помирали — так у конкурентов и того хуже. Я пару раз предлагала внести кой-какие изменения, но хозяин либо смеялся, либо грубо советовал не лезть не в свое дело. Откуда ему было знать, что оборотень по запаху травы может сказать, от чего она помогает и с чем лучше всего сочетается? Зато клиенты живо подметили, что золотая монетка, сунутая проворной девке, существенно повышает шансы на исцеление. Хозяин пару раз ловил меня на мздоимстве и пытался закатить скандал, но я с ледяным лицом напоминала, сколько он мне платит, и предлагала нанять другую дурочку за те же деньги.

День выдался суматошный, вместе с холодами по городу распозлились болезни, пришлось объехать несколько десятков человек, развозя заказанные снадобья. Конь устал и по дороге домой начал прихрамывать — сначала чуть-чуть, потом ощутимо припадая на левую заднюю ногу. Последнюю версту я шла пешком, нахохлившись и засунув озябшие руки в карманы, а Дымок покорно ковылял следом, стараясь

не угодить копытом в петлю свисающих до земли поводьев. Валил мелкий, но частый снежок, слепя глаза и забиваясь под воротник.

Во дворе меня терпеливо поджидал непутевый мститель, сгорбившись на лавочке у плетня. Сверху, на одном из кольев, сидела курица, заснеженная и недовольная. При виде меня она радостно кудахтнула и порхнула парню на голову, сбив шапку, а оттуда на землю. Побежала навстречу, звучно хлопая крыльями.

— Измором решил взять? — поинтересовалась я, легко перемахивая калитку и открывая ее изнутри для Дымка.

Парнишка неуклюже поднялся. Закоченел, щеки отморозил, ишь, побелели. Чего, спрашивается, ждал? Другой бы давно окно выдавил, дом обшарил, выгреб что поценнее и дал деру. А этот честный и благородный, дракона на него нет. Драконы, они благородных любят. Из лат выгрызать не надо, и отравленные кинжалы потом в животе не бурчат.

— Заклинание новое выучил? Молодец. Так, глядишь, сам матерым колдуном заделаешься. Подождешь, пока коня расседлаю?

Он неуверенно кивнул.

— Иди в дом, согрейся. А то язык заплетаться будет.

Я бросила ему ключ. Паренек неловко взмахнул руками, но не поймал, подобрал из сугроба.

Я особенно не торопилась, распрягая Дымка и пучком соломы обтирая подтаявший снег с широкого хребта. Пусть наговорятся. Тем интереснее. Рассыпала по полу горсть зерна из ларя, курица жадно застучала клювом. Покрошила два сахарных бурака в общее корытце, коза так и лезла под нож, норовя выхватить кусочек из рук (ну какая тебе, поганке, разница?!), конь подбирал упавшие.

Пришла кошка, подумала, изогнула спину и небрежно мазнула боком по сапогу. Мявкнула и, развернувшись, прошлась еще раз. Все мы ласковые, когда голодные. Навязались на мою голову. Плевать, что не люблю, лишь бы кормила...

Я сняла с полки горшок с выщербленным краем, быстро подоила козу. Пену с волосками сдула в кошачью миску, где та быстро осела в синеватое молоко. Заправила ясли

охапкой сена и закрыла сарай снаружи. Кошка, если захочет, вылезет через отдушину под крышей.

В логово я шла, как в ярмарочный балаган, предвкушая веселое представление. Так и есть. Ученичок сиял не хуже начищенной сковородки, стоя на коленях у постели. Я его быстренько закоптила, усевшись на стуле возле окна, лицом к сладкой парочке.

— Ну? Будем декламировать или уйдем по-хорошему?

Парень сжался в комок, волчком зыркнул из-под длинных сальных патл.

— Отпусти его. А не то...

Я паскудно улыбнулась, развела руками:

— Уговорил. Забирай!

Парень встрепенулся и тут же повесил голову. Как болтали в корчме, он не смог защитить дом от толпы «наследников», прослышавших о кончине хозяина. Мало-мальски ценные вещи вынесли, все непонятное и подозрительное сожгли. Вместе с домом. А самого отлупили, чтобы неподовно было старшим дорогу заступать. И куда он этого недобитка заберет? На пепелище или в лес, во времянкушалашик? Я подозревала, что он ночует где-то неподалеку, изредка выбираясь в город за едой. Ворует наверняка.

Оборванец переводил взгляд с меня на колдуна, губы жалко дрожали.

— Я тут останусь,— глухо сказал он, решившись,— и в обиду его не дам.

— Здравсте-пожалуйста, останется он! — хмыкнула я.— Да кто ж тебе позволит? Это мой дом, между прочим, частные владения. Хочешь — иди градоправителю жалуйся. Мол, моего хозяина оборотень похитил и надругался.

— Надругался?! — У него округлились глаза.

— А ты думал, я тут такая добренькая-бескорыстная, во спасение души колдунов по оврагам собираю? Должна же я что-то с этого иметь, верно? Крови там живой хлебнуть, если охота не удалась или сушняк поутру замучил, печеночкой теплой закусить, ну и просто так суставы повыкручивать ради удовольствия.

На дальнейшие «надругательства» у меня не хватило воображения, но парнишка и так был близок к обмороку.

— Она шутит, Рест,— не выдержав, чуть слышно прошептал колдун,— не волнуйся за меня. Уходи.

Совсем не глупый совет. Дураки таких не слушают. Топчутся на месте, шмыгают носом, надеясь, что все уладится само собой: меня удар хватит, мастер чудом исцелится, охотничий рог под окошком запоет.

— Попробуй по-другому,— участливо предложила я, закидывая ногу за ногу,— поплачь, поклянчи, пообещай хорошо себя вести, убирать, готовить, выносить ночные горшки и прочищать трубу. Может, я и смилостивлюсь. А может, просто получу удовольствие от спектакля.

Паренек облизнул пересохшие, обветренные губы. С трудом, переступая гордость, выдал:

— П-п-пожалуйста...

— На колени встанешь? — деловито поинтересовалась я.— Пол, правда, грязноватый, но твои штаны не чище.

Он гневно вспыхнул, открыл было рот... потом перевел глаза на неподвижного учителя, потупился и медленно согнул одну ногу, вторую...

— Придурок,— констатировала я, отворачиваясь.— Видно, других в колдуны не берут. Чтоб из кухни ни ногой. Если в мою комнату зайдешь или по чердаку будешь шастать, прибью на месте. В подвале бочонок с груздями расковыряешь или сливочки с кринок снимаешь, самого замарирую. Ясно?

— Больно надо,— он шмыгнул носом, подтер рукавом,— я даже из-за печи выходить не буду, тут прямо и лягу.

Я с наигранным удивлением подняла брови:

— Вы мужеложцы, что ли?

Парень сначала не понял, потом медленно залился краской. Весь, от лба до ворота.

Махнув рукой, я ушла в комнату переодеваться. Потом приготовила ужин, поела сама и громко зачитала пареньку его права и обязанности, не балуя первыми. За занавеской безмолвствовали. Но стоило мне удалиться на покой, как в кухне завозились, загремели посудой, а потом и зашептались. То есть колдун говорил нормально, как мог, а парень старательно понижал голос, делая тайну из обычного в общем-то разговора:

— Не верю я ей, мастер.оборотниха она оборотниха и есть. С чего бы это ей вас выхаживать-выпаивать? Небось голые кости не жрет, ждет, пока мясом обрастут.

— Тут она просчиталась. Месяц назад такой роскошный гуляш был, а теперь разве что на холодец.

— И как вы шутить-то можете? Весь поломанный, нутро отбито, оборотниха эта зубы скалит. Измывается, поди, над вами, хоть и не признается. Вон супом велела накормить. А в нем мясо кусками. Темное, не птичье.

— Оленина. Попробуй.

— И травка какая-то сверху плавает,— бубнил, не унимаясь, паренек,— приворотная небось. Наглотаетесь, а потом своих не узнаете и будете вместе с ней по лесу бегать, хвостом мухоморы сшибать.

По голосам я легко угадывала выражения лиц: одно испуганно-заговорщицкое, второе с трудом удерживалось от смеха.

— Это петрушка.

— Ну да, петрушка. Зимой! Свежая!

— С подоконника. У тебя в деревне так не делали? Перед заморозками выкапывают корень и сажают в горшок.

— Может, пристукнуть ее, пока спит, а? — шепоток перешел в драматический.— Только чем? Ваш-то меч, наговорной, Свенька-стражник уволок, он давно на него зарился. Пришел якобы толпу разгонять, а сам под шумок меч упер. И звезды серебряные. Переплавит или продаст, сам-то кидать не умеет. А простым мечом ее не порешить, давеча голой рукой лезвие остановила.

— Не валяй дурака. Тебе против нее не выстоять.

Парень заерзал на стуле, брякнула ложка.

— А если травануть чем?

— Не выйдет. Природные яды она переварит, а алхимические отрыгнет. Ты-то сам когда в последний раз ел? Вчера? Оно и видно. Ешь, я не хочу.

— И сам не буду, и вам не советую. Лучше я на рынке хлебца свистну, колбасы какой, небось и без ее варева с голоду не помрем. Вот уж где противная баба, не зубами, так языком грызет! Не приведи боги, узнает, о чем мы тут говорим, меня, как пить дать, выкинет. И вас чуть погода сожрет.

— Она и так знает. У оборотней невероятно тонкий слух. Верно, Шелена?

— Обоих сожру, если заснуть не дадите,— негромко сказала я.

Ученик испуганно охнул, и все затихло. Но заснуть не получилось. Через пять минут он приоткрыл дверь в комнату и смущенно кашлянул:

— Госпожа Шелена...

— Ага, уже госпожа. Ну, чего тебе?

— Белье бы мастеру перестелить...

— Он что, огхырел? Нарочно, что ли?! Уже две недели никаких проблем не было!

— Я... того... повернулся неловко, миску опрокинул...

— Убью.

Парень сдавленно пискнул и исчез. Пришлось вставать, менять испачканное белье, снова лезть в печь за горшком. Покормила сама, мысленно ругая притаившегося в уголке щенка. Ну и проваливал бы, если так боишься. Не логово, а храмовый приют для сирых и убогих. Лучше бы я бордель открыла, там хоть прибыль какая.

— Не трогай его,— словно читая мои мысли, прошелестел колдун.— Я... расплачусь.

Я присела на край кровати и, растопыренными ладонями припечатав одеяло по обе стороны чуть заметно вздрогнувшего тела, по-звериному нависла над человеком, пристально изучая его лицо с расстояния полусогнутых рук.

— Тебя как зовут-то, купец?

— Не говорите ей, мастер! — шепнуло из угла.— Душу высосет!

Еще одно дурацкое суеверие. По имени можно найти. Сплести на него заклятие, навести порчу. Но душу? Пфе... Да и на кой она оборотню.

— Верес.

Похоже, прокрутил в голове то же самое. Или на редкость правдиво солгал.

— И что, по твоему мнению, может меня заинтересовать?

— Дракон.

Хм. И впрямь заинтересовал.

— Такая здоровенная крылатая ящерица, падкая на принцесс? — скептически уточнила я.

— Ты знаешь, о чем я.— Светлые глаза, хоть и слегка расширенные от волнения, смотрели твердо.

— Тогда у тебя не останется шансов. Если не передумаешь, конечно.

— А я и не собираюсь подносить его тебе на блюдечке. Не передумаю.

— Договорились, — равнодушно сказала я, отстраняясь и вставая. Что ж, по крайней мере, у нас появился повод терпеть взаимное присутствие. И не чувствовать себя такими идиотами.

Я выудила из берестяного короба с крышкой обтрепанный стебелек, принялась и брезгливо бросила обратно. Чемерица зубчатая, «волкогон». Считается безотказным средством от оборотней и вурдалаков, но, к смертельному разочарованию на него понадеявшихся, таковым не является.

— Ну что еще? — досадливо буркнул знахарь. — Всеобщим же языком написано: «Три щепоти сей травы сушеной, пестом дубовым в пыль растертой»!

— Это не трава.

— А что?

— Сено.

Собирать чемерицу надо на рассвете, как только сойдет роса, во вторую фазу луны, обрывая лишь молодые побеги и подвяливая их в тени. А не, вкривь и вкось пройдясь по полянке с косой, вернуться на нее с корзиной после трех дней солнцепека.

— Шелена, — медовым, но совершенно неаппетитным голосом протянул хозяин, — я плачу тебе за составление зелий, а не за дурацкие препирательства с куда более умными, чем ты, людьми.

Я саркастически искривила губы, но снова начала ковыряться в коробе. Конечно, нет никакой гарантии, что, когда вы покупаете травы у профессионального сборщика по цене три золотых за пучок, вам не подсунут какую-нибудь ерунду. Но если в целях экономии приобрести за три медяка у грязной рыночной торговки лохматый веник, явственно разящий мышами, то только подметать пол он и сгодится.

Парочку листиков мне все-таки удалось выбрать. И припрятать в отдельной скляночке, на случай, если понадобится действительно жизненно важное снадобье, а не припарка от чирьев, которые, несмотря на все ухищрения знахаря, и сами рано или поздно сойдут. В подсунутую же хозяином ступку я с непроницаемым лицом покрошила самую со-

мнительную и даже чуток плесневелую ветку. Делать мне нечего — до хрипоты с дураками спорить... умный бы с первого раза прислушался.

Хозяин еще немного поворчал, походил по лавке, невесть зачем переставив с места на место несколько горшочков и флаконов. Рукавом смахнул пыль с чучела василиска и, поплевав на палец, старательно протер алые стекляшки глаз. По мне, пыльный василиск выглядел куда лучше василиска облезлого, но хозяин остался доволен и, решив, что сегодня уже потрудился на славу, отправился в ближайшую корчму вознаградить себя кружечкой пива.

Я, воспользовавшись случаем, тут же вытряхнула из мешочка принесенные с собой травы и занялась «левым» заказом — естественно, безо всяких рецептиков, полагаясь только на чутье. По дороге домой заверну к кузнецу, вчера жаловавшемуся на боль в правом боку, и отдам ему свежую настойку, а он взамен бесплатно подкует Дымка.

Стук и звяканье не намного опередили раскатистый чих. Можно было и не вешать над дверью колокольчик — заполнявший лавку травяной дух не оставлял равнодушным ни один нос. Особенно этот, словно созданный для вынюхивания.

В лавку, шурша напяленными поверх валенок лапотками, просочилась бабка Шалиска. Я незаметно поморщилась. «Войти» или «заскочить» эта карга не могла по определению, только прошмыгнуть или просочиться, как змея в шелку. Человеческое селение без подобных старух — что банка варенья без плесени. Их вездесущие глаза, всеслышащие уши и болтливый язык не дадут вам незаметно гульнуть с чужой женой, закрутить залом¹ на соседском поле и уж тем более побегать по округе на четырех лапах. Впрочем, надо признать, действуют эти бабки совершенно бескорыстно. Лучшей наградой для них будет полюбоваться из-за заборчика

---

¹ Связать пучком несколько колосьев, что якобы наведет порчу на все поле. Распространенное и совершенно безосновательное суеверие, т.к. поставить или убрать действенный залом может только квалифицированный маг (рекомендуемый гонорар за второе — пять золотых, штраф (...выходит, надо просить не меньше двадцати... (пометка на полях), за первое — пятнадцать). См. К. Лабская. *Краткий справочник мага-практика.*

на результаты своих трудов — семейный скандал, драку между соседками или костер высотой с избу.

Из-за таких вот Шалисок и приходится жить на отшибе за городом. В селении от них даже в подвале под одеялом не спрячешься.

— Здравствуй, деточка! Давненько я у вас тут не была, хвала богам, да вот опять, чтоб ее лихо, хворь поясничная приключилась, ей-ей, ни сесть, ни встать, и куда ж мне, бедной, деваться... — фальшиво-слащавым голосом зачастила бабка, попутно обшаривая меня профессиональным взглядом. Ничего компрометирующего вроде синяка или новых сережек не обнаружила и заметно расстроилась, так что я улыбнулась ей куда искреннее.

Интересовала бабку мазь от прострела (меньше надо подглядывать в замочные скважины, по улицам она носилась как молоденькая!), и я, открыв шкафчик с готовыми снабдочьями, мстительно выбрала самую сомнительную баночку. За это время пронырливая Шалиска успела сунуть нос на две полки, в сундук с травами и даже заглянуть под лежанку для осмотра больных. Вряд ли она на самом деле рассчитывала обнаружить там мужчину и наконец-то осчастливить местных кумушек байками о моей личной жизни в рабочее время, но инстинкты матерой сплетницы были неистребимы.

Когда я обернулась (звериный слух ничем не хуже глаз на затылке), бабка уже снова сидела на лавочке, чинно сложив сухонькие руки на обтянутых юбкой и передником коленях. Болтать она, кстати, не прекращала ни на секунду, надеясь, что я потеряю бдительность и тоже ей что-нибудь расскажу.

— ...а нелюдей энтих в городе нонче куда ни плюнь, понабежали из своих гор, чисто клопы с тараканами, скоро и вовсе людей выживут, охти, горюшко-о-о... — С завываниями покачавшись из стороны в сторону, бабка внезапно остановилась и совершенно нормальным, деловитым голосом спросила: — А знаешь, что они сами говорят?

В этом вся Шалиска. Вызвать на откровенность, участливо поойкать и покивать, а за спиной наговорить гадостей. Кстати, гномов и троллей в Выселке с каждым днем и в самом деле становилось все больше, но вели они себя очень скромно, селясь по родичам и не гнушаясь никакой работой.

— Нет,— покорно сказала я, прекрасно зная, что положительный ответ Шалиска все равно в расчет не примет, полагая, что ее версия самая точная и правдивая.

— Будто бы завялося в ихних краях эдакое ма-а-ахонькое страховидло с горбиком, и как увидит гнома — вцепится аки пиявка, кряхтит да охает и нипочем не отстанет, покуда всю кровь не испортит! А в нашем городе, дескать, энтая... их... их... иххолохическая ниша уже занята, вот оно сюда носа и не кажет!

Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Похоже, гном бабке подвернулся пронизательный и с чувством юмора. Представляю, с каким серьезным видом он втолковывал ей эту чушь.

— Как будто эльфаф нам по соседству мало,— продолжала бубнить старая кочерыжка.— Шастают по улицам, как по своему лесу, даже тетиву с луков не сымают... скоро орки прям на конях посередь города скакать будут, а там и вомперы налетят, чесноку им в глаз...

Отделаться от Шалиски можно было только одним способом (вообще-то двумя, но куда потом девать труп?!).

— А вы не знаете,— как бы между прочим поинтересовалась я,— что там с утра за драка возле ратуши была?

Кто его знает, может, и была. Место оживленное, раз в день хоть собаки да сцепятся. Бабка Шалиска заглотнула наживку, как дракон девственницу.

— Ну, пойду я, пожалуй, деточка,— засуетилась она, пряча баночку и с кряхтением извлекая из кошелья самую потертую монету.— А то сама знаешь — дома не прибрано, корова не доена, свиньи не кормлены, кто ж, кроме меня, позаботится...

Лапоточки назло всем прострелам (разве что из арбалета попробовать?) бодро засеменяли к двери. Я аккуратно пере-сыпала содержимое ступки в маленький холщовый мешочек и выглянула в окно. Бедная корова, несчастные свинки...

За порогом меня встретила мокрая тряпка, тщательно растеленная по полу. Пожав плечами, я вытерла ноги. Вряд ли маленький паршивец успел выкопать под ней ловчую яму.

Кухня пугала чистотой. Все чашки-миски, даже треснутые, рядком выстроились на посудной полке, перемытые до блеска. Отскобленная печь сменила цвет с черного на

кирпично-рыжий, паучьи махры под потолком исчезли. Колдун мирно спал, а парнишка сидел на полу, привалившись спиной к постели, и читал какую-то потрепанную книжонку. Он и сам успел вымыться, простирнуть одежонку и остричь грязные ногти. Длинные космы превратились в аккуратный льняной хвостик.

На скрип двери он встрепенулся, торопливо сунул книгу под одеяло и вскочил.

— Ну-ну,— скептически бросила я, на ходу расстегивая колушок,— а хлебом-солью почему у порога не встречаешь? На, встряхни и повесь.

Открыла дверь в комнату, окинула наметанным взглядом, принялась. Нет, не заходил. Ну и я тогда могу не торопиться. Подсела к столу, устало откинулась на спинку стула. Лень было вставать, снимать сапоги, готовить... Может, пожевать хлеба с салом и завалиться спать?

Вернулся парнишка с отряхнутым кожухом. Повесил на крючок, погромел ухватом в печи и так же молча шлепнул передо мной дымящуюся тарелку с каким-то месивом, серым и комковатым. Прямо как разносчик в доме призрения.

Я брезгливо принялась. Пахло, впрочем, вкусно — толченая картошка с обжаренным на шкварках луке.

— Ядом не забыл посыпать?

— Забыл,— огрызнулся он,— добавь по вкусу.

— Ты, шенок, старшим не хамя. Некрасиво, к тому же для здоровья вредно.— Я осторожно попробовала картошку. Ничего, съедобно. Пересолил только. Кивнула за печь: — Его покормил? Не этим, надеюсь?

— Гречу с молоком разогрел, как вы велели,— неохотно буркнул он.

— Козу доил?

— Доил... — Он произвольно потер левый бок. Майка не любила доиться, я раньше привязывала ее не только за шею, но и за одну из задних ног. Потом коза смирилась, а перед новичком, выходит, снова решила покачать права.

— И давно ты за ним тягаешься? Впрочем, сама знаю. От силы месяц. Иначе успел бы хоть чему-нибудь научиться.

— Шесть! — обиженно возразил он.

— Надо же, всего полгода, а какая трогательная привязанность. С чего бы это?

— Не твое дело, — окрысился паренек и, не удержавшись, добавил: — Мастер тебя все равно убьет.

— Попробует, — серьезно согласилась я.

— Отличная работа. — Я щелкнула по основанию тяжелого охотничьего ножа, отозвавшегося не звоном, а низким степенным гулом. Этот клинок определенно знал себе цену. Черная гравировка-травление по всему лезвию — широкому, с хищно изогнутым кончиком, — волнистая рукоять, уютно лежащая в ладонь. — И закалка превосходная.

— Ты на сплав глянть! — горячился сидящий напротив гном, корявым пальцем тыча в тускло мерцающую сталь. — Элгарская, сам Варсан-э-Вок варил! Видишь, клеймо на торце, кирка поперек меча? А кромка какая?! За год не иступится!

Я еще раз полюбовалась ножом, убрала в кожаный чехол и со вздохом положила на прилавок. Цену ему знал и оружейник. Впрочем, ничего покупать я не собиралась. Привезла заказанную настойку от колик и, не удержавшись от соблазна, поддавалась на уговоры торговца «просто посмотреть» новую партию товара. Рассуждать о своих изделиях гномы могли бесконечно, будь то причудливый светильник или двуручный меч в троллий рост, причем в процессе торга зачастую так их расхваливали, что в итоге отказывались продавать даже за начальную цену.

На этот раз Карст-э-Лату просто хотелось похвастаться, а я, питавшая слабость к холодному оружию, ничего не имела против. На двери лавчонки висела табличка «Закрето», для меня гномий заказ тоже был на сегодня последним, так что никто не мешал нам с упоением перебирать опасные цапки. За окном, неспешно оплетая стекла узорами, потрескивал сгущающийся вместе с темнотой морозец. Все равно бы засветло домой не вернулась, так какая разница, где коротать вечер?

Возле подсвечника вальяжно дрыхла на боку здоровенная серая крыса в цепочке-ошейнике. Еще три на устрашение вора бродили где-то по подсобке. Их, как собак, через дыру в двери не подстрелишь, отравленной приманкой не соблазнишь. И пускай лаять они не умеют, зато способны бесшумно пролететь в прыжке больше сажени, впившись

точнехонько в нос незадачливому грабителю. Или шустро взбежать по ноге под штаниной, запустив зубы в еще более чувствительное место.

Я протянула руку и почесала крысу за ушком. Та потянулась, сонно клацнула зубами и перевернулась на спину, подставляя мне рыжеватое брюхо. При свете они не нападали. Я как-то в шутку спросила у торговца, что будет, если я задую свечу. Гном серьезно, задумчиво глянул на испуганно трепыхнувшийся огонек, потом, нагнувшись, — на затаившуюся под хозяйским стулом крысу, и уклончиво ответил: «Со мной — ничего».

Дунуть я так и не рискнула.

В заднюю дверь лавки, она же черный вход примыкающего к ней гномьего дома, уже пару раз заглядывала недовольная женушка Карст-э-Лата, не слишком старательно прячущая за спиной нечто здорово смахивающее на скалку, но охаживать ею отлынивающего от домашних дел муженька при госте стеснялась. Гном, покоровшись неизбежному, ускорять его приход тем не менее не собирался. И выложил на стол очередной клинок.

Мне понадобилось огромное усилие воли, чтобы не отшатнуться и не зарычать. От серебряного кинжала с меленько иззубренным на кончике лезвием веяло невыразимой жутью, словно холодом из бездонного колодца, заставляя красочно представить, чем окончится более близкое знакомство и с тем, и с другим.

— А это особый товарец, специально для магов держу, — пояснил ничего не заметивший гном, — им нежить всякую добывать сподручно, надежно. Ну и в простом бою, конечно, сгодится. А уж метать до чего удобно — будто рукой в цель вкладываешь! Да ты в ладонь возьми, примерься!

— Верю на слово. — Я, пересилив себя, но по-прежнему держа руки крепко переплетенными на груди, наклонилась и рассмотрела затейливый узор на клинке. — Дорогущий небось?

— Сорок кладней. Но этот не продается, для себя отложил. Хочешь, тебе такой же у родичей закажу? Можем даже твое имя в гравировку вплести и рукоять чем захочешь отделать.

«Родичами» гномы традиционно величали весь свой клан, будь то парочка семей или несколько сотен, вплоть

до десятого колена родства, с одинаковым радушием относись к первому и последнему. Люди хорошо если четвертое «своим» признавали, а эльфы уже к двоюродным родственникам холодно обращались на «вы».

— Нет, спасибо. Столько я и в долг не наскребу.— И даром не возьму, бррр... — Боишься нежити, Карст?

— Боюсь,— спокойно признался гном, пробуя зубастое лезвие на ногте.— Из города без него ни ногой.

— Как будто в самом Выселке упырей мало,— хмыкнула я, вспоминая, как со всех лап драпала по крышам от парочки этих тварей. В городах они ведут себя скрытно и пугливо, охотясь в основном на бродячих кошек и собак, но одиночными прохожими тоже не брезгают, особенно в темных трущобных переулках. Впрочем, от грабителей с кистенями ущерба куда больше.

— То упырь.— Гном, к моему огромному облегчению, наконец-то убрал кинжал в ножны.— Пакость, конечно, изрядная, но привычная, я ее и обычной секирой в три удара завалю. А тут нечто совсем уж непотребное...

— Страховидло в лапоточках? — с невинным видом ввернула я.

Гном раскатисто захохотал, не требуя пояснений. Так вот на кого нарвалась охочая до баек Шалиска!

— Заночевала бы ты на постоялом дворе, Шелена,— резко обрывая смех, буркнул Карст-э-Лат.— И тебе удобнее, и мне спокойнее.

«И клопам сытнее»,— про себя добавила я. Спать под чужой крышей я не любила, к тому же в чересседельных сумках Дымка лежали прикупленные с утра продукты, в том числе мука и квашеная капуста, уже начавшие потихоньку просачиваться друг в друга.

— С чего бы такая забота? — Я успешно скрыла любопытство за увлеченным чтением рун на обоюдоостром то ли коротком мече, то ли длинном ноже, какие любят носить при поясе тролли-наемники. С учетом их лексикона руны и подбирались, делая нанесенную таким клинком рану не только болезненной, но и весьма обидной.

— У городских стен видели волчьи следы.— Гном понизил голос и втянул голову в плечи, словно предлагая изучить затишье в разговоре на предмет далекого заунывного воя.

Я машинально повела ближайшим к окну ухом (хорошо, под волосами не видно), но ничего, разумеется, не услышала. Только лязгающие зубами стражники самоотверженно охраняли ночной покой горожан, стараясь держаться возле фонарей, где этого самого покоя было побольше.— Крупные, ладонью не прикрыть.

— Ну и что? Я и живьем их частенько вижу.

— Я сказал «волчьи»,— ворчливо поправил торговец.— А не «оставленные волками».

— Карст, не отбивай хлеб у Шалиски,— чуть натянуто рассмеялась я.— Какой-нибудь мальчишка приложил руку к случайному следу, а ты мне тычешь в нос своей лапшей!

— Мне знакомый охотник сказал,— оскорбленно засопел вислым носом гном.— У него ладонь еще побольше моей!

— Охотники, рыбаки... — Я пренебрежительно махнула рукой. В прошлом году кто-то из заядлых удильщиков распустил слух, будто в Прудках, местном озерце, завелась вредливая русалка, которая насаживает им на крючки лягушек вместо вожделенных сазанов. А когда ее поодиночке застукало за этим нехорошим занятием уже человек сорок, русалка вынырнула на самом деле с официальной нотой своего правителя немедленно прекратить распространение порочащих их расу сплетен. Теперь охотникам гигантские волки мерещатся. Как будто я бы не заметила!

— А куда же тогда одинцы пропадают, а? — запальчиво возразил Карст-э-Лат.— Уже с десятков заимок опустело!

Большинство выходцев из Гребенчатых гор селились в человеческих городах или закладывали свои деревеньки, но некоторые предпочитали уединенные лесные домики-мастерские — и не отвлекает никто, и за дровами для кузницы далеко ходить не надо. Их-то и называли одинцами.

— Вот почему вы так рванулись в Выселок?

— За каменными стенами оно всяк спокойнее,— вздохнул гном, на весу укутывая клинок в замшу и бережно, будто стеклянный, укладывая в короб. Жена мрачно сопела за дверью, набираясь духу для решительной атаки.— Да и крик, ежели что, найдется кому поднять. Ну хочешь, в доме на лавке тебе постелю?

Я потянулась за лежащим на соседнем стуле кожушком.

— Поеду, Карст. Козу надо доить. Спасибо за вечер!